

Свастика забвения

МОНОЛОГ

В один из осенних вечеров я возвращалась домой, подошла к трамвайной остановке и стала ждать свою маршрутку.

Внимание привлек паренек лет пятнадцати. В его облике не было ничего особенного: короткая стрижка, взъерошенные на макушке волосы, небольшого роста, худенький, хиленький. Но в том, как высоко он держал голову, нагло оглядывая вечерних прохожих, чувствовалась недоюношья уверенность в себе, показное превосходство и даже бахвальство. Но больше всего привлекала внимание его одежда. Мы – русские люди, россияне, а в России по-прежнему встречают по одежке. Наряд парня был необычен: поверх куртки накинута какой-то огромный платок с красными полосами по краям. Я присмотрелась повнимательнее и ахнула: да ведь не платок это вовсе, а самый настоящий фашистский флаг, красно-белого цвета, с огромной паучьей свастикой в центре. Вечер сразу стал холодным и темным, на душе – беспокойно и жутко...

Мне, к счастью, не пришлось пережить ужасы Великой Отечественной войны, я родилась позже на целую четверть века. Но отношение к той войне у меня святое. Да иначе, наверно, и быть не может. Мой дедушка – участник войны, с боями дошел до Германии. Я помню его на удивление очень хорошо, хотя была всего лишь пятилетней девочкой, когда его не стало. Он умер от старых ран и осколков, не дававших покоя в мирной жизни. Бабушка шестнадцатилетней девочкой попала в фашистский концлагерь. Неизвестно, где было страшнее – на фронте или в лагере, где уничтожали каждую секунду, а в ответ можно было лишь молчать...

Иногда задумаешься – и жутко становится: что видели они в своей жизни? Революция – голод – разруха, сталинские репрессии – жизнь в постоянном страхе, война – голод – разруха... Невольно напрашивается аналогия с подростком на остановке: поел – поспал – помялся от безделья. Пройдет еще лет пять-семь, он станет старше тех, кто не вернулся и уже никогда не придет с войны. Ведь многие уходили на фронт со школьной скамьи, совсем мальчишками, недомечтав, недолгожив...

Великая Отечественная война – огромное по значению и страшное по своей сути событие для всей страны, для каждой семьи. До сих пор поисковые бригады находят неопознанные останки погибших солдат. Забыть об этом – значит предать тех, благодаря кому мы живем сегодня. Нельзя нам забывать. Нет у нас такого права. И через шестьдесят, и через сто шестьдесят лет мы обязаны помнить и передать эти воспоминания детям, внукам, правнукам. Забвение – самая страшная болезнь...

Мы знаем войну понаслышке.
А кто-то увидел в бою,
Как русский отважный мальчишка
Погиб за Отчизну свою.
Чернели от горя березы,
В безмолвный склоняясь поклон.
Лились материнские слезы,
И слышался каменный стон.
Кричала земля, как живая,
От тысячи сброшенных бомб.
Мы помним и волны Дуная,
И ужас сырых катакомб.
Мы помним кричащий с рассвета
Глухой и тревожный набат,
Ведь нам завещал помнить это
Погибший мальчишка-солдат.

Ирина СЮТКИНА.

«Стыдно умирать у железной дороги...»

До войны наша семья жила в Анненске

СТАРШАЯ СЕСТРА училась на сыровара в городке Белокаята за Уралом. В первые дни войны брата Александра направили учиться и работать в Чебаркуль на военный завод, сестру Татьяну – в Карталы в ФЗУ, осваивать токарное дело. 11 июля 1941 года пришла повестка отцу. Дома остались беременная мама, я – 11 лет, Нина – 9 и Петр – два годика...

Папу пошли провожать на станцию всей гурьбой – из поселка отправляли большую партию мужчин. Шум, слезы, стоны, частушки. Мы стояли вокруг папы, тетя Настя, мамин сестра, в истерике бормотала на ушко малышу: «Смотри, смотри на отца, может, больше не увидишь!» Мне стало страшно, я прижалась к маме и тоже завывала. После отправки мама упала на кровать и до утра металась от горя. Я утешала ее, говорила, что буду сено косить, хворост собирать и уголь вдоль линии на вокзале. Татьяне в Карталах передали, чтобы она пришла на вокзал проводить папу, но на перроне творилось невообразимое – яблоку негде упасть. Так она папу и не нашла: все линии были заняты составами, прибыв эшелон с беженцами. На составах с платформами – танки и новобранцы. Беженцы мечутся по перрону в поисках пропитания, кто с маленькими детьми – пошли в жилые дома. Пока они ехали к Уралу, их сильно бомбили, в хвост состава попала бомба, вагоны с кровавым месивом отцепили... Местные жители из поселка Полтавка, что в трех километрах от Карталов, несли к вокзалу овощи, печеное, вареное, молоко и все, чем можно было подкормить ехавших на фронт солдат и прибывающих беженцев. Узловая станция Карталы видала виды, особенно в разгар строительства Магнитки, но теперь по всем направлениям составы шли непрерывно, и над всем этим витали горе, тревога и надежда...

Мама устроилась разнорабочей достраивать и переоборудовать под госпиталь санаторное здание. Разводной от сельсовета распределял беженцев по избам. У нас избушка была маленькая, полно детей, поэтому поселили одну женщину – еврейку Сару, бывшего врача. Была она интеллигентной, стройной и очень красивой, черные локоны спускались на плечи. Во время бомбежки поте-

Во время бомбежки 25-летняя Сара потеряла двоих детей и на наших глазах поседела

рляла двоих детей и на наших глазах поседела: сначала белая прядь пошла ото лба вверх, а через месяц вся стала белой. Ей было 25 лет, черные большие глаза и белый волос делали ее еще красивее. Ночами она писала запросы во все города, где в детских домах могли оказаться ее дети. На зорьке выходила во двор и давала волю слезам, простирала руки к небу, хваталась за волосы, металась по двору. Тщетно пытались ее утешить люди... Не понимаю, как сегодня многие мамы бросают своих детей – в войну столько сирот не было, как сейчас. Сара прибыла к нам в одно летнем платьишке без рукавов. У нас под крыльцом был конопляный мешок, она отстирала его на речке и сшила сарафан. Однажды получила какой-то пакет и собралась уезжать. Провожали все соседи, напекли картофельных котлет. Заверила, что обязательно напишет, но письма мы так и не дождалась...

А мы с мамой работали в поте лица. На двенадцатом году я научилась запрыгивать корову,

садили много картофеля, табак, научились обрабатывать его толстые стебли. Табак вначале сушили под навесом, потом мелко рубили, перемалывали на самодельных жерновах. Пока мешок накрутишь – руки онемеют, от чихания болит голова, слезы ручьем. Зато повезу мешок в Карталы – быстро сменяю на хлеб: пайка в 200 граммов солдатского хлеба на пять стаканов махорки. Мама его в суп – сытно! Но в основном пришлось выживать на овощах и травах. Выручали ягоды, в обилии насушенные на зиму. Хлебных карточек у нас не было.

Часто собирали на фронт посылки, куда обязательно вкладывали махорку и ягоды. Взаимовыручка была не только на фронте, но и на селе. Помню, у тети Насти Хватевой погибла корова, ребятишки плакали, а мать слезла. Соседи помереть не дали, помогли, кто чем. Мама говорила: «Нам стыдно умирать, у нас железная дорога среди двух городов. Работай, не ленись, крутись быстреей, продавай в Карталах картошку, махорку, ягоды – будешь и хлебушек видеть». А вот в глухих лесах – Велико-Петровка, Татишево – было много заколоченных домов: железная дорога далеко, идти пешком сил не было. Но все невзгоды пережили, преодолели. Дождались Победы.

Валентина СКАЧКО.

Мы завидовали уходящим на фронт

БЫЛОЕ

К началу сороковых даже мы, подростки, понимали неотвратимость войны. От нас этого никто не скрывал, нас к ней готовили. И все-таки война грянула внезапно. Сразу все переменялось: лица стали озабоченными, а тут еще сообщения о парашютистах-диверсантах, отравляющих питьевые колодцы. Наша джубгская комсомолка тут же отреагировала, установив круглосуточные посты у колодцев. Мне довелось однажды участвовать в таком дежурстве.

Безлунная ночь, вдали над Кубанью полыхают зарницы, звучат известия всесоюзного радио по репродуктору: «После напряженных боев наши войска оставили город...» Потом бой курантов. Прозвучал «Интернационал», прогудел высоко в небе фашистский

самолет, прилетевший откуда-то из Румынии. Наступила мертвая тишина. Темно, безмолвно, тревожно. Сегодня, с высоты прожитых лет, вспоминаешь ту ночь и понимаешь: ну что бы смог сделать пятнадцатилетний пацан, да еще безоружный, появившись злоумышленник? Но тогда мы об этом не думали. Корчагинский энтузиазм пер из нас, словно пар из перегретого котла. А дежурству нашему скоро пришел конец. В Джубге на месте морской погранохраны разместили войсковую часть.

Ввели светомаскировку, комендантский час, по селу в ночное время пошли вооруженные патрули. Началась мобилизация на фронт, заголосили женщины. И сегодня на душе неуютно от воспоминаний той поры.

Мы, пацаны, завидовали уходящим на фронт. Но свой патриотический пыл пришлось направить в сторону колхозных нив,

где нас ждал непочатый край работы. Разве могли мы знать тогда, что через год с небольшим под рев фашистских бомбардировщиков, под причитания матерей навсегда расстанемся с красавицей Джубгой, а через полтора месяца нас, голодных и грязных, босых и раздетых, Магнитка встретит пронизывающим ветром и снегом?

Ныне архивы Магнитогорского металлургического комбината и других городских предприятий хранят личные дела джубгских мальчишек и девочек той поры. Эти дети работали для победы наравне со взрослыми: по двенадцать часов, недоедая и недосыпая. Моим дорогим друзьям-односельчанам, ныне живущим, и тем, кого уже нет, посвятил я эти воспоминания.

Николай СИЛЬЧЕНКО,
ветеран ММК,
участник трудового фронта.

Ударница тыла и мать-героиня

ХОЧУ РАССКАЗАТЬ

Хочу рассказать о нашей маме, жительнице Магнитогорска, участнице трудового фронта Александры Степановне Москвиной. С февраля 1942-го по февраль 1947-го она работала на военном заводе в Копейске. Сначала ученицей токаря, затем токарем – выточивала снаряды для танков. Сутками не отходила от станка, спала возле него. Благодаря упорству и настойчивости овладела всеми премудростями технологии производства и могла за

рабочую смену произвести 42 снаряда, что в то время было рекордом. О маме, как о лучшей производственнице, не раз рассказывали в газетах. Посылаю вам ксерокопию ее снимка того далекого времени, который был сделан корреспондентом 8 марта 1945 года. Когда по телевидению показывали 20-серийный хроникальный фильм к 50-летию Победы, мы увидели нашу маму в этом фильме, как лучшую ударницу знаменитого завода.

После войны мама вышла замуж и уехала в зону Черноземья под Мос-

кву, а в 1957 году с семьей, в которой уже было шестеро детей, вернулась на родной Урал, в Магнитогорск. А мы теперь живем в разных концах России.

Характер у мамы сильный, волевой, она лидер в семье. Мы, дети, у родителей всегда были на первом месте, они жертвовали многим ради нашего блага. Мама имеет орден Материнской славы I степени. Она работала на калибровочном заводе, сейчас получает пенсию. В коллективах, где она трудилась, люди ее всегда уважали и ценили.

Теперь у нашей мамы большая семья – тринадцать внуков, один из которых, Валентин, в 2003 году погиб в Чечне при исполнении воинского долга, посмертно награжден орденом Мужества. Есть и правнуки, и правнучки. Сейчас маме 81 год, здоровье неважное.

С глубоким уважением и сердечной благодарностью к вам, уважаемая редакция, одна из дочерей Александры Степановны

Любовь ШПОНДАРЕВА,
г. Миллерово
Ростовской области.

